

Андрей Белянин

МОЯ ЖЕНА — ВЕДЬМА
ВКУС ВАМПИРА

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Андрей Белянин

Вкус вампира

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

Москва, 2013
SARMA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б43

Серия основана в 2011 году
Выпуск 66

Художник
Е. Никольская

Белянин А. О.
Б43 Вкус вампира: Роман.—М.: «Издательство АЛЬ-
ФА-КНИГА», 2013.—380 с.: ил. — (Романтическая
фантастика).

ISBN 978-5-9922-1517-5

Вампиры?! И воображение живо рисует эдакое inferнальное бледное существо с алыми губами и... Впрочем, коренной астраханец, художник-авангардист Дэн Титовский — не таков. Он — вампир энергетический и питается «серебряными чувствами доверчивых девушек». Но, несмотря на длинный шлейф разбитых сердец, есть у него многолетняя привязанность — в меру безобидная представительница местного клана Лишённых Тени, умопомрачительная, ни с кем не сравнимая вамп Сабрина фон Страстенберг. Указующий перст Судьбы — и именно над ней сгущаются тучи в лице непримиримой воительницы, зеленоглазой грозы вампиров юной Евы Лопатковой, ступившей на охотничью тропу по заданию тайного Ордена Гончих...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Белянин А. О., 2003
© Художественное оформление,
ИВН 978-5-9922-1517-5 «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

Я — не положительный герой. Скорее даже отрицательный. Вампиры, честно говоря, вообще редко бывают положительными, и в этом смысле я всегда умел смотреть правде в глаза. Нет, определённым шармом мы, несомненно, обладаем, что подчёркивается неослабевающим интересом к вампиризму со стороны писательской братии и кинематографа. В той же мере я не стал бы утверждать, будто бы исключительно все люди исполнены внеземных добродетелей. За две с лишним сотни лет жизни вынужденно начинаешь разбираться и в людях тоже.

Мне доводилось встречать таких индивидуумов, что порой я принимал точку зрения моих собратьев как единственно верную. Хотя в их взглядах на человечество тоже нет ничего нового: «Люди суть теплокровные существа, предназначенные для избавления нас от труда и насыщающие нас пищей, коей они же и являются по воле Неба...» Не думаю, однако, что Небо участвовало в создании этого законопроекта, но — что есть, то есть. С незапамятных времён люди и вампиры проблемно, спорно, но так или иначе сосуществуют. Каким-то образом и мне удавалось найти своё место в круговороте бытия, хотя с каждым десятилетием это давалось всё большими и большими усилиями.

Проблема во мне. Я — монстр. Можно сказать иначе: урод, отступник, ренегат, предатель, извращенец, генетический дегенерат. Для меня это осознания значения иметь не будет, для осуждающих — тоже, и причины, побудившие меня взяться за перо, в полной мере не ясны даже мне самому. Просто события нескольких последних недель показали невероятную глубину пропасти между мной и Лишёнными Тени, а перейти на другую сторону баррикад не удавалось пока никому. Я имею в виду, что человеку довольно легко стать вампиром, но ещё ни один вампир не сумел вернуться к обратному, а именно — к недостижимому счастью человеческого бытия. Привлекательного, как ни парадоксально, самой своей недолговечностью...

Иногда я люблю чуть завышенный слог, сказывается результат хорошего образования в Мельбурне, Реймсе, Риме и Петербурге. Охотно продолжал бы беседу с вами в том же неторопливо-повествовательном тоне, но увы — слышу знакомый цокот каблучков на лестнице. Сейчас дверь откроется, войдёт Сабрина и... я в очередной раз получу по морде.

— Ты — мерзавец! — без предисловий и объяснений выносит она вердикт, и моя левая щека вспыхивает от хлёсткой пощёчины. Сопротивляться бессмысленно и лень, это уже почти ежедневная традиция, и я отлично знаю, что будет дальше.

— Как я только могла полюбить такого урда?! — Её прохладные пальцы певуче-порхающими мазками превращают жгучую боль в садняще-сладостную негу.

Урод — относится к определённым особенностям физиологии моего организма, но никак не к

внешним данным. В силу своей специфики я просто обязан поддерживать себя в спортивной форме, выглядеть предельно обаятельно и уметь доставить удовольствие практически любой женщине... Сабрина знает это лучше всех, она моя бессменная подруга уже более восьмидесяти лет. Мы встречаемся, расстаёмся, ссоримся, миримся, бывает, не видим друг друга годами, и всё-таки — мы вместе. Хотя Сабрина — умница, красавица, интеллектуалка — и есть... настоящий вампир! То самое, ни живое ни мёртвое, существо, питающееся человеческой кровью. Горький юмор в том, что я, например, её кровь пить не могу...

— Дэн, почему ты не брал трубку? Я звоню тебе уже больше часа и схожу с ума от любви!

У неё длинные чёрные волосы, восхитительно белая кожа и восточный овал лица. Глаза матовые, без блеска, оттенка густого красного вина, чуть припухшие веки и длинные маньчжурские ресницы. Она действительно меня любит, что является редкостью в нашей среде, а зачастую и непростительной роскошью. Я хочу сказать, что это одна из самых высоких причин моего конфликта с остальными — они не способны любить...

— Я хочу тебя. Сегодня вечером выступала в каминном зале «Линты», там все буквально помешались на средневековой музыке, и вдруг неожиданно остро поняла, как же я тебя хочу...

Сабрина — виолончелистка. На мой взгляд, это один из самых сексуальных инструментов в руках женщины. Последние тридцать лет она буквально не расстается со своей виолончелью, а в прошлом у неё были великие учителя. Не хочется бросаться титулованными именами — моя подруга очарует кого

угодно. Она уверяет, что они не были её любовниками. Охотно верю: обычно те, кто пытается затащить её в постель, редко доживают до рассвета... Я тоже её люблю. Если, конечно, мы способны на такие чувства, а не пытаемся питать иллюзии. В моих объятиях она плачет. Я знаю множество женских реакций на оргазм, но плачет только она, и только от любви...

— Почему ты до сих пор не бросил меня? Ты ведь живёшь за счёт женских эмоций и всегда можешь найти что-нибудь новенькое... Почему, Дэн? Только потому, что у меня красивая грудь, а ты всегда был эстетом... Не отвечай! Я не хочу слов...

Я знаю. Осталось выключить свет, мы оба отлично видим в темноте. Часом позже, когда она, мокрая и горячая, лежала, нежась щекой о моё плечо, завязался тот самый разговор, сделавший эту ночь судьбоносной и навсегда изменившей мой мир. Нет, наш мир. Я не помню, с чего вообще всплыла эта тема, но начало было достаточно безобидным:

— В городе опять появились Адепты.

— Неужели? Я наивно думал, что их деятельность была запрещена ещё на Дрезденском конвенте 1712 года. Но что, тебя это как-то волнует?

— Когда появляются одни, следом идут и другие.

— Ты имеешь в виду Гончих? — Я меланхолично накручивал на мизинец её чёрный локон. — Дорогая, равновесие Добра и Зла во все времена было слишком зыбким и чересчур условным, чтобы всерьёз вставать на чью-то сторону.

— Ты — урод. — Сабрина потянулась и нежно лизнула меня в ухо, её язык был тёплым и шершавым, как у кошки. — Урод, который может гулять под солнцем, носить серебро, заходить в церковь и

жить, не проливая крови. Но тем не менее ты — вампир! Рано или поздно Гончие выйдут на тебя, и ты будешь вынужден сделать выбор.

— Я не люблю драться...

— ...но умеешь делать это, как никто! До меня доходили слухи, что сам Барон намерен сделать на тебя ставку.

Я поцеловал её в мраморную ложбинку между ключиц и постарался забыть об этом имени. Вот уже более тысячи лет Барон является для всех Лишённых Тени неким символом неограниченного могущества, боли и... грязи. Я предпочитаю «вольное плавание», до сих пор мне удавалось избегать с ним даже поверхностных контактов. Похоже, лимит везения исчерпан...

— Ты выступишь на нашей стороне?

— Сабрина, мы закрыли эту тему много лет назад и, как мне казалось, навсегда. Лучше расскажи мне про Барона...

— Прямо сейчас? — Её поцелуи мягко заскользили по моему животу ниже и ниже... То, что она делает губами и язычком, не поддаётся никакому описанию, особенно если учесть остроту её клыков. Через какое-то время я перехватил инициативу... Наш разговор воскрес только через час или два.

— О нём мало известно. — Мокрое от слёз лицо моей подруги казалось платиновым в холодном свете полной луны. Я уже забыл, о чём спрашивал, но она не забывает ничего, никогда и никому... — Барон самый старый из нас, его личность овеяна легендами и домыслами больше, чем жизнь оклеветанного Влада Цепеша. Но в отличие от трансильванца Барона почти никто не видел в лицо. Его сила безгранична, кое-кто склонен полагать, что он —

прямой потомок Матери Проклятых! Правнук, внук, сын... А быть может, даже супруг. Он никогда не выходит на поверхность земли, у него нет страстей, чувств или эмоций. Однако его приказы выполняются без обсуждений, его власть абсолютна, и... он интересуется тобой.

— Это приятно. — Иногда дежурные фразы бывают удивительно к месту, хотя ничего не объясняют и ни к чему не обязывают. Сабрина приподнялась на локте, пытаясь взглянуть в самую глубину моих глаз, где по идее должна бы отражаться душа... Но я не уверен, что вампиры имеют душу.

— Я знаю тебя столько лет и ничего не знаю о тебе. Иногда мне кажется, что я помню каждый день и час, проведённые нами вместе. Зима, холодный вечер, в красном Питере — диктатура пролетариата, и пьяные латыши хватают хрупкую девушку-гимназистку. Ты появился так романтично, и на тебе была офицерская форма со споротыми погонами. На мгновение я даже забыла о голоде...

— Милая, ты вполне обошлась бы своими силами, их было всего четверо.

— Конечно, ведь я сама их заманила, но... Как ты не понимаешь, каждой женщине необходимо знать, что ради неё хоть кто-то готов рискнуть жизнью.

— Риска не было.

— Но ты был великолепен! Они падали на булыжную мостовую, лицом в грязный снег, и не могли даже кричать от боли. Я ничего не поняла и пошла за тобой, как за обычной жертвой, а ты...

Она любит об этом вспоминать. Сабрина сентиментальна и безудержно импульсивна одновремен-

но. Вся жизнь с ней — сплошной поцелуй на эшафоте. Она приходит, когда ей заблагорассудится, и уходит, не прощаясь, но, если её нет больше недели, я начинаю тосковать. Спустя месяц боль приглушается, а рано или поздно возвращается вновь вместе с Сабриной... Видимо, мыслители древности в чём-то были правы — любят не за что-то, а вопреки! То есть сам себе я лично объектом, достойным любви, никогда не представлялся, но женщины склонны считать иначе...

— Ты не останешься ночевать?

— Ночь скоро кончится, а я всё ещё голодна.

— Ненасытная, тебе мало меня?

— Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду.

Но если хочешь, попробуй меня проводить.

Долгий поцелуй. Её язык всегда чуть сладковат, а ресницы пахнут инеем. Я помог ей застегнуть длинную молнию на платье, быстро оделся, пропустил её в коридор и запер за собой дверь. Обычно её машина, темно-вишнёвый «фerrари» с затемнёнными стёклами, стоит у самого подъезда. Сабрина нажала кнопку, вызывая лифт.

— Когда ты вернёшься?

— Завтра.— Она на мгновение прильнула прохладным виском к моей груди.— Обещай мне подумать о предложении Барона. Хотя бы только подумать...

— Но я даже не в курсе, чего он, собственно, хочет...

— Ты знаешь. Обещай мне. Если любишь, обещай!

Лифт докатился до шестого этажа и замер, лязгнув створками. Стальные двери распахнулись, а внутри стояла суровая девушка с арбалетом. Преж-

де чем мы успели хотя бы удивиться, самопальный болт из шлифованного дерева почти полностью ушёл в плечо моей возлюбленной. Она не успела даже охнуть...

— Смерть вампирам! — Девушка споро перезаряжала оружие.

Я подхватил падающую Сабрину и медленно поднял глаза на охотницу. Наши взгляды встретились. Секундное молчание — и она рухнула на пол кабинки лифта. Скрежещущие двери с характерным чавкающим лязгом сомкнулись. Времени на сантименты не было...

* * *

— Мне больно, Дэн...

— Не шевелись, я попробую его вытащить.

Чёрный шёлк платья звонко лопнул под моими пальцами. Иногда отчаяние страшнее силы, а я боялся её потерять. Умело обработанный осиновый колышек, длиной в две моих ладони и сантиметра два диаметром, косо прошёл под ключицей, ближе к плечевому суставу. По счастью, на первый взгляд ранение не было смертельным для вампира, но я отлично видел, каких усилий Сабрине стоило сдерживать крик... Осина — магическое дерево, по преданию, на ней повесился Иуда Искарот, и до сих пор над ней тяготеет проклятие. Её древесина медленно сжигает плоть Лишённых Тени...

— Потерпи, мне придётся тянуть сильнее.

— Тогда... сделай это быстро.

— В теле могут остаться занозы или щепки.

— Умоляю тебя, сделай это быстро! Если ты хоть чуточку любишь меня, то не мучай...

— Я люблю тебя!

От резкого рывка её кровь брызнула мне в лицо. Арбалетный болт я отбросил в сторону. Сабрина захрипела и откинулась на подушках, потеряв сознание от боли. Сжав кончиками пальцев обе раны, я зажмурился, на миг перестав дышать. Холодная энергия искорками устремилась вниз, побежала по рукам, пульсируя в поисках выхода. Через минуту или чуть больше на коже не останется даже шрамов. Вампиры удивительно быстро регенерируют, а то, что делаю я, вообще имеет мало аналогов. Сабрина устало разомкнула ресницы. В её зрачках гасла уходящая боль...

— Не говори ничего. Всё получилось. Ты потеряла много крови и сил. Спи. Пару дней тебе придётся пожить у меня.

Она молча кивнула и, повернув голову, прикрыла глаза. Её бледность была чрезмерной даже для умертвия. Убедившись в том, что к ней снизошёл спасительный сон, я тихо встал и, осторожно выйдя из спальни, закрыл за собой дверь. Сабрина может находиться здесь сколько угодно, окна плотно занавешены чёрным бархатом, серебряных предметов я в доме не держу, о её «пропитании» не так трудно позаботиться. Теперь можно было заняться и другими, не менее важными делами. Пока они, эти дела, не стали проблемами...

В гостиной, у телевизора, надёжно привязанная к креслу, сидела та самая девушка, что напала на нас у лифта. Высокая, рыжая, спортивная, с короткой мальчишеской стрижкой и ненавистью в зелёных глазах. Я специально не стал вытирать

кровь со своего лица и молча сел напротив, подняв с пола её арбалет. Смешное оружие... Дешёвая подделка под средневековое, выпиленная где-нибудь в школьном кружке, проволочный спусковой крючок и резиновый жгут из аптеки. Тем не менее этого хватит, чтобы убить вампира выстрелом в упор. На расстоянии больше трёх метров это барахло совершенно бесполезно...

— Зачем?

Девушка кинула в меня испепеляющий взгляд, но ничего не смогла ответить. Моя вина — я не потрудился вытащить кляп, но, по совести говоря, не очень-то и хотелось.

— Я спрашиваю просто так, из праздного любопытства. На деле ты вряд ли сможешь рассказать мне что-нибудь интересное. Во все века вампиры охотились на людей, а люди на вампиров. Это так неново, что даже скучно, как считаешь?

Она попыталась выплюнуть в мою сторону кляп, закашлялась и едва не задохнулась. На вид ей было едва ли больше двадцати, но сбитые костяшки кулаков и отсутствие косметики говорили о том, что девушка прошла серьёзную подготовку.

— Ты ранила мою подругу. Она потеряла много крови и несколько дней не сможет выходить на улицу. Как гостеприимный хозяин и старый друг, я должен предоставить ей убежище и... пищу. Надеюсь, мы оба поняли, о чём речь?

Охотница побледнела и, яростно дёрнувшись, выгнулась так, что кресло закрипело. Долгую минуту она боролась с верёвками, содрала кожу на запястьях и обессиленно свесила голову. В её глазах стояли злые слёзы...

— Но ты, конечно, поклялась молчать и скорее

умрёшь, чем скажешь хоть слово. Я уважаю благородных противников. Обещаю, ты умрёшь достойно! Но медленно...

На лбу девушки выступили бисеринки пота. Я никогда не гордился своим умением разговаривать с женщинами, но, как уже упоминал, это профессиональный навык. От него зависит моя жизнь, жизнь уроды, вампира-мутанта, изгоя и предателя... Никакого пафоса, никакой позы, никакой жалости к себе, просто банальная проза...

— Можешь не отвечать, я ничего не хочу слушать— ни объяснений, ни оправданий. Я буду задавать вопросы, а ты кивать — «да» или «нет». Договорились?

Она понятливо замычала, демонстрируя мне кляп.

— Ты не поняла. Говорить ничего не надо, только кивать.

Рыженькая тяжело вздохнула, поразмыслила и кивнула.

— Умница. Похоже, мы найдём общий язык. Итак, вопрос первый, риторический: ты хочешь жить?

На этот раз она размышляла целое мгновение. Потом закивала так, словно собиралась меня клюнуть.

— О, да мы, оказывается, очень даже разговорчивы... В таком случае, возможно, у тебя есть маленький шанс. Как я уже говорил, мне мало что интересно в жизни. Сейчас каждая вторая девчонка, посмотревшись сериала «Баффи», воображает себя победительницей вампиров. Арбалет, осиновый кол, чеснок на шее, камуфляжный прикид, куча защитных амулетов... С экипировкой ни у кого не бы-

вает проблем, благо соответствующей литературы — море! Судя по твоим рукам, у тебя за плечами ещё и чёрный пояс по карате. Поэтому я буду последователен до занудности — зачем? Может быть, я повторяюсь, но это единственное, что меня хоть как-то интересует... Зачем?

Девушка ответила непередаваемой мимикой, причудливо вскидывая брови и морща нос. Держу пари, она призывала небеса в свидетели моей непроходимой тупости...

— Хорошо, я всё понимаю. На вопрос «зачем?» трудно ответить однозначным киванием. Поставим его иначе: ты охотилась именно на Сабрину?

Она уверенно кивнула и, опомнившись, вздёрнула подбородок вверх, готовясь в любой момент торжественно помереть в ореоле мученицы. В искренности не откажешь, если бы не предательски побледневшие скулы, я бы тоже ей поверил. Что ж, на сегодня достаточно. Девочка честно заслужила право дожить до утра, возможно, она что-то знает.

— И последнее, — я шагнул к ней, склонившись к самому уху, — ты... хочешь в туалет?

Наверное, она ожидала иного. Разрывания горла или прокуса вены, например... В тот миг в её вытаращенных глазах промелькнула такая гамма чувств, что у меня от этого калейдоскопа закружилась голова. Похоже, меня сочли пошлым извращенцем... На деле же я просто беспокоился за кресло и ковёр.

— Отлично, тогда ты потерпишь до утра. И пожалуйста, никуда не уходи... ладно? Спасибо.

Я заглянул к Сабрине, убедился, что лоб холодный, дыхание замедленное, значит, беспокоиться действительно не о чем. Потом вернулся в гости-

ную, постелил себе на диване, разделся и лёг. Пока расстёгивал рубашку, спиной чувствовал заинтересованный взгляд пленницы. Что делать, если хочешь выжить, надо следить за собой, а в отношении к гармоничному мужскому телу все женщины одинаковы. Я демонстративно не обращал на неё внимания, мысли были заняты другим...

Первые сведения о вампиризме вы найдёте ещё в древнеавилонских хрониках. При строительстве пирамид и смене первых династий фараонов о нём уже слагали трактаты и находили место в естественном укладе бытия. Древние греки первыми поэтизировали вампиров, чего стоит одна сцена питья жертвенной крови в «Одиссее»... Дальше — больше, но речь не об этом. Готов лишний раз подтвердить, что люди охотятся на вампиров, а вампиры на людей, и ничего из ряда вон выходящего в этом противостоянии нет. Во все времена, во все эпохи именно людьми создавались тайные организации, делавшие эту охоту смыслом жизни и чести. Иногда борьба шла под знаменем веры, иногда во имя спасения человечества, но рано или поздно всё сводилось к банальному заработку.

Одним из таких сообществ были Гончие. История их Ордена насчитывала более десяти веков и ярко иллюстрировала весь спектр противостояния на протяжении немислимого количества судеб. Судеб печальных, изломанных, трагичных... Средний срок жизни охотника на вампиров даже сейчас составляет от силы тридцать — тридцать пять лет, а представьте себе более ранние времена... Гончие переживали взлёты и падения, смены руководства, кардинальные изменения политики, признание и уход в подполье. На основе их архивных материа-

лов была создана не одна книга и, кажется, даже пара фильмов.

Официально их запретили в 1867 году за пропаганду насилия и попытку государственного переворота в Ирландии. Но мало кто из нас сомневается в том, что Орден Гончих тайно продолжает свою деятельность, создавая филиалы в разных странах мира и вербуя на свою сторону фанатично настроенную молодёжь. Хотя кто сказал, что будто бы именно они имеют непосредственное отношение к событиям сегодняшней ночи... Я уснул перед самым рассветом под напряжённое сопение и недовольные взгляды нашей рыжеволосой пленницы.

...Сна как такового не было. Имеются в виду те светлые, многокрасочные полотна со множеством сюжетных перипетий, которые являлись в детстве, когда я засыпал под мамину сказку. Я хорошо помнил свою маму, хотя лишился её ещё ребёнком... Она умерла от туберкулёза, и отец, офицер императорской гвардии, отослал меня на воспитание в дедушкино поместье. Годом позже он погиб на русско-турецкой войне, отстаивая независимость Болгарии...

Сколько себя помню, всегда ненавидел войны. Любые — захватнические, освободительные, священные... Слишком много лет мне пришлось отдать серым шинелям, жёсткому седлу и запаху ружейного масла, тогда же воспиталось и осознанное неприятие крови. А сны перестали сниться ещё раньше, когда умерла мама, я говорил...

Вампиры моего типа практически не спят. То есть спит какая-то определённая часть сознания, в то время как слух чётко фиксирует всё происходящее в комнате и не даёт мне ни малейшей поблажки

нигде, никогда... Скользящие, почти бесшумные шаги, некто движется с уверенностью человека, знающего расположение каждого предмета в помещении. Безмятежно-сонное дыхание пленницы временами прерывается детским посапыванием. Вот чьи-то пальцы коснулись узлов на верёвках, едва уловимый скрип подтверждает их надёжность. Если я сейчас не открою глаза, то никогда не узнаю, кто именно отправил эту зеленоглазую соню на Охоту. А мне это по-прежнему интересно...

— Не надо, Сабрина, прошу тебя...

В ответ она оскалила клыки и зашипела. Ещё раз повторяю, я — не положительный герой, а лишь преданный слуга собственного эгоизма. Эта девушка была нужна мне живой...

* * *

— Ты мерзавец, урод, подлец и подонок!

— Чуть тише, разбудишь, а она так сладко спит...

— Тем лучше, не почувствует боли!

— Всецело доверяю твоему опыту, и тем не менее...

— Но я голодна!

— Не настолько, как тебе кажется. Подумай о фигуре...

— Чёрт возьми, но это моё право — она напала первой!

— Месть подают в холодном виде...

— Но я хочу её, Дэн!

— По-моему, крик твой души останется безответным, ибо она тебя не хочет...

Наверное, наш диалог выглядел немного стран-

но со стороны. Сабрина хрипло рычала от слабости, её пальцы впились в пятнистый воротник пленницы, а нервная слюна сбегала вниз по подбородку. Я отвечал ей ровно, не повышая голоса и не вставая с дивана. Мы оба понимали зыбкость сложившейся ситуации и не делали необдуманных движений. Шансы равны — она вполне успеет располосовать незащитное горло жертвы прежде, чем я... а может, и нет, обычно в подобных ситуациях везло мне. И всё-таки в этот раз моя подружка не выдержала первой, резко опустила голову и попыталась сжать челюсти...

Девушка сонно дёрнулась, страшные клыки соскользнули, не оставив даже царапины, а обессиленная Сабрина мешком рухнула за кресло. Судя по звуку, ещё и приложившись лбом о тумбочку для телевизора. Рыжая охотница заспанно хлопала глазами. Держу пари, для неё это первый выход на работу. С такими способностями она не прожила бы и дня на реальной войне с вампирами...

— Ам... хм... чёчилось?

— Сволочь, негодяй, скотина, предатель!

— Может быть, по чашечке кофе, девочки?..

Примерно полчаса спустя мы все трое сидели на кухне за столом и предавались подобию светской беседы. Сабрину я лично поднял, отряхнул, а когда нёс её на руках, она ругалась и обещала меня убить. Пленницу развязал чуть позже и тоже тащил на себе, за ночь у неё затекло всё тело. Умывание и утренний туалет в целом заслуживали отдельной главы зубоскалистого писателя-юмориста. К сожалению, у меня самого с юмором туго, а то, что я называю шутками, скорее образец цинизма и чернухи...

Хотя, должен признать, наша троица за столом смотрелась более чем забавно: раненая вампирша, энергетический вампир и охотница на вампиров.

— Дэн, я очень надеюсь, что ты сумеешь внятно объяснить мне, почему эта девица ещё жива? — с чарующей улыбкой начала Сабрина, потягивая через соломинку кровь из высокого бокала. Я всегда держу в холодильнике бутылочку-другую, оно себя оправдывает...

— Всего лишь хотел узнать, почему она напала именно на тебя? Как выследила, откуда узнала, на кого работает и когда ждать следующего охотника.

— Скучно... Чего же ты ждёшь, спрашивай побыстрее и покончим с ней!

Охотница едва не поперхнулась горячим кофе, густые коричневые капли брызнули на скатерть. Я её не виню — руки-ноги снова связаны, а пить из блюдечка по-собачьи не каждому удаётся. Здесь нужна длительная тренировка и определённая гибкость...

— Прошу прощения.— Я промокнул ей подбородок салфеткой и придвинул блюдо поближе.— Дорогая, ты же знаешь, у меня свои традиции и свои методы. Я не могу позволить тебе убить гостью, не дав ей даже допить кофе! Ещё чашечку?

Девушка тут же кивнула. По-моему, это была уже четвёртая, но, возможно, она готова выпить целый тазик, лишь бы оттянуть неизбежное.

— Я жду,— демонстративно проводя ноготком по кухонному кафелю, напомнила Сабрина. Вроде бы никакой угрозы в голосе, но на глянцевой плитке явственно обозначилась глубокая царапина. У начинающей жертвы округлились глаза, и она ещё старательнее углубилась в кофе.

— Мне кажется, ты её пугаешь.

— Дэн, не зли меня! Неужели опять тушь размазалась?!

— Нет-нет, но, может быть, она вообще боится вампиров... Ещё налить?

Охотница подняла на меня пронзительные зелёные глаза, где кофе плескался уже на уровне зрачков, и мучительно кивнула. Люди порой так изобретательны в способах самоубийства — эта, видимо, решила утонуть...

Её спас звонок в дверь. Обычно по утрам у меня не бывает гостей, поэтому сперва я попытался не обращать внимания на переливчатые трели. Звонок нервничал, злился, напоминал о себе снова и снова, не давая никакой возможности продолжить столь захватывающий разговор. На секунду мне даже захотелось его застрелить, но, увы, пришлось встать и идти к дверям. Мельком глянув в «глазок», я повернулся к кухне и доложил:

— Трое парней. Один на пороге, двое прячутся на лестнице, видны только их тени. Судя по всему, принесли «срочную телеграмму»...

— Это за ней! — понятливо откликнулась Сабрина, с хрустом потягиваясь на табурете. — Я возьму двоих, плечо всё ещё побаливает.

— Кто там?! — проорал я, перекрикивая вновь оживший звонок.

— Срочная телеграмма!

— Как скажете, ребята, открываю, — тихо вздохнул я, повернул ключ и отскочил в сторону, дабы не быть прибитым своей же дверью. Трое молодых бритоголовых недоумков с грохотом вломились в прихожую, на ходу доставая осиновые колья и классические серебряные распятия. Непрофессио-

налы... Интересно, кто им преподаёт практическую демонологию? С католическим распятием на улицах православного города?! Нет, ну надо же хоть как-то учитывать религиозные и территориальные различия...

Двое бросились на кухню, третий обернулся ко мне. Тратить время и силы не хотелось, поэтому я легко ушёл от его хука и не очень сильно полоснул ребром ладони по горлу. Парень рухнул на колени, второй удар, от затылка к уху, отправил его в длительный отдых. А на кухне, похоже, разворачивалось настоящее сражение. Грохот мебели и предсмертный звон разбиваемой посуды поверг меня в полное отчаяние. Глупо звучит, но я дорожу порядком в доме... Только вчера убирался!

Когда я к ним вошёл, всё самое страшное уже было позади. Один боевик валялся под столом (надеюсь, что живой, хотя могу и ошибаться), второго Сабрина держала за шею. Очень интересно, кстати... Пальчики её левой руки слегка шекотали ему кадык, а он, в свою очередь, не отводил опасной бритвы от горла... нашей ошарашенной собеседницы! Та сидела белей первого снега и искренне пыталась чем-то возмутиться, но невнятный писк и бульканье, слетавшие с её губ, вряд ли можно было классифицировать как благодарность. Неужели мальчики действительно пришли её спасти? Тогда почему столь радикальным способом?! Не очень-то похоже на прежних Гончих...

— Какое оригинальное противостояние... — задумчиво протянул я. — Нечто напоминающее «Репку» наоборот — там вроде бы победила дружба. Но я так понимаю, что при любом раскладе мы будем иметь один труп (в идеале — два). Белые начинают

и проигрывают. Будем как-то развивать эту тему или молча перейдём к практическим действиям?

— Мужик, ты... того, как бы... дайте мне уйти, а не то...

— Вы невнятно излагаете свои мысли, молодой человек. Позвольте, я раскрою вам глаза на суть проблемы так, как она представляется лично мне при непредвзятом взгляде со стороны. Дорогая, ты не возражаешь?

— У тебя две минуты, Дэн,— нежно улыбнулась Сабрина.— От запаха тёплой крови у меня кружится голова...

— Я постараюсь уложиться в полторы, но, будь добра, отпусти его. Этот милый юноша пришёл не по наши чёрные души...

Моя траурная возлюбленная чуть удивлённо наморщила носик, вздохнула и царственно опустилась на табурет, выгнув спину, словно египетская кошка. Парень, воспользовавшись ситуацией, мгновенно прикрылся нашей пленницей, всё так же держа бритву у её горла. Простите, я, кажется, уже дважды сказал «нашей»? Хорошо, что не вслух, Сабрина наверняка обратила бы на это внимание...

— Дорогу! Или я её порешу-у!

— В чём же дело? Вперёд! — вполне ободряюще предложил я.— Мы видим эту девицу в первый раз, вчера она стреляла в мою подругу, хлеб-соль мы вместе не ели, на брудершафт не пили... Хотите её крови? Мы охотно поделимся с вами.

У бритоголового отвисла челюсть. У связанной охотницы тоже. Хотя чего она от меня ожидала? Неужели надеялась, что я буду играть в благородного героя перед той, что ещё прошлой ночью хвата-

лась за арбалет... Учитесь принимать реальность, герои.

— Но... это...

— Что?

— Ты же не вампир! — нервно выкрикнул парень. — Чё ж ты за них заступаешься?!

— Вампиры, как правило, не уничтожают себе подобных, — грустно напомнил я. — Это мы, люди, всегда готовы убивать, наказывать, карать, приносить в жертву... Но сейчас не время для нравственных дискуссий, поэтому ответ на мои вопросы и убирайся.

— Пошё-ол ты...

— Неправильный ответ, вызванный грубой вспышкой неконтролируемых эмоций. Сабрина, мальчик непроходимо туп... Он — твой, надеюсь, ты не отравишься.

— Ты очень любезен, Дэн. — Она встала одним почти не уловимым глазу движением — богиня Баст в человеческой ипостаси. Глаза горят, волосы развеваются, грудь возбуждённо вздымается под чёрным шёлком, а белоснежные клыки обнажаются с чарующей неспешностью... Я всегда любовался ею в такие моменты.

Пленённая охотница, наконец-то осознав, что происходит, резко повернула голову, тяпнув парня зубами за руку. Судя по воплю — прокусила даже через рукав! Тут мы его и взяли... Одним усилием воли я лишил его координации движений, а Сабрина нанесла точный удар кулачком в висок. Опасная бритва косо полоснула его же бедро, а пока негодяй был в отключке, моя подруга, извинившись, поспешила утолить первый голод...

— Вампиры... они порой как дети,— виновато развёл я руками.

Рыженькую, казалось, вот-вот стошнит, похоже, она вообще не переносит вида крови. При случае обязательно оторву голову тому бесстыжему мерзавцу, что посылает таких необстрелянных юнцов на верную смерть. Мы тоже не святые, но они — ещё хуже...

— Как хоть тебя зовут, девочка?

— Ева...

Сабрина чуть повернула ухо, приветливо кивнула и вновь продолжила неспешно слизывать кровь, аккуратно зажав края раны пальчиками. Она всегда умела вести себя за столом — питерская школа, культура...

* * *

— Боюсь, что нам нельзя здесь долго задерживаться. Предлагаю дождаться ночи и уехать. Машина Сабрины по-прежнему стоит у подъезда. Остановимся на даче у моих знакомых, там без суеты поразмыслим над сложившейся ситуацией и со всем разберёмся.

...Казалось, я говорю в никуда. Удивительное ощущение. Моя маленькая двухкомнатная квартира полна народу, все пришли именно ко мне, никто не ошибся адресом, никто не перебивает, все молчат, тем не менее... Похоже, всем и каждому абсолютно всё равно, что я там пытаюсь до них донести. Троица молодых камикадзе в рядочек лежит на полу, связаны как тортики, с кляпами во рту. Раненого мы перебинтовали, вампиром ему не стать, а

общая слабость пройдёт недели через две при усиленном питании и хорошем сне. Сабрина досыта наелась дней на пять вперёд. Многие ошибочно полагают, будто бы вампиры должны пить кровь ежедневно и уж никак не останавливаться на полпути. Совершенно нелепый бред, не выдерживающий никакой научной критики. Сколько литров крови в человеке?! А сколько её может поместиться в желудке одного вампира? Вот и проведите несложные математические вычисления...

Моя подруга после всех дел мирно задремала прямо за кухонным столом. Охотница до сих пор не могла прийти в себя, на вопросы не отвечала и пребывала в состоянии маловразумительной прострации. Вроде бы её кто-то сильно обидел или даже предал — налицо полное крушение идеалов...

— Ева...— Я деликатно тронул её за плечо и... едва успел отдёрнуть руку. Крепкие, молодые зубы цапнули пустоту в считанных сантиметрах от моего запястья.

— Не прикасайся ко мне, жалкий раб вампиров!

— Чуть тише, а? Если Сабрина услышит такое, то всё поймёт неправильно и убьёт нас обоих.

— А мне плевать, что она подумает! После того, что я здесь видела, после... как она тут кровь... тьфу! Я вас всех ненавижу!!!

— Ну, от ненависти до любви один шаг...— философски хмыкнул я, хотя в душе шевельнулось что-то колюче-острое.

Меня давно нельзя задеть — ни оскорблениями, ни плевком в душу. За много лет полуреального существования чувство стыда притупляется первым. Храбрость подменяется рассудочностью, вспыльчивость — долготерпением, любовь — логикой, а

импульсивность — целесообразностью. Я не говорю, плохо это или хорошо, это — данность...

— Ты знаешь их?

— Я не буду отвечать на твои вопросы!

— Ты уже ответила. Вы проходили подготовку вместе в каком-нибудь полуподвале, тренируясь на тряпичных манекенах. Скорее всего, даже не знали друг друга по именам, у всех были боевые прозвища или порядковые номера.

Она закусила губу и уставилась на меня суженными от ярости глазами. Не надо быть большим психологом, чтобы понять — каждое моё слово было как гвоздь и каждое было правдой!

— Мне не о чем тебя спрашивать, за все эти годы охотники на вампиров изменились не больше, чем их кровавые жертвы. Методы — да, но люди — нет! История циклична. Тем не менее я хотел бы, чтобы ты задала один вопрос сама себе: почему они хотели тебя убить?

— Они... меня никто не хотел убивать!

— Ты лжёшь. И, поверь, ложь никого не красит, а у Пиноккио от неё ещё и нос вырастал...

Охотница невольно вздрогнула и так по-детски скосила глаза на кончик носа, что я едва не улыбнулся. Просто давно забыл, как и зачем это делается...

— Они думали, что если я в плену, то, наверное, уже укушена и... тоже стала вампиром. Ну, или скоро им стану... тогда, пока не поздно, лучше...

— Вас так учили?! Хм... прими мои извинения, это многое объясняет. Конвенцию по правам нечеловеческих меньшинств вам не зачитывали?

— А что, ты хочешь сказать, что у вампиров могут быть какие-то там права?! — снова завелась она,

а я услышал, как Сабрина открыла глаза. Именно услышал, мне не надо было ради этого оборачиваться, тем более что она, кажется, не спешила включаться в разговор.

— Права есть даже у животных, а ведь каждый вампир хоть когда-нибудь был человеком. Поверь, мало кто становится нежитью по своей воле.

— Всё равно, если бы такая тварь укусила меня, я бы сама вонзила себе осиновый кол в сердце!

— Так вы там всерьёз уверены, что от одного случайного укуса люди сразу становятся вампирами?! — На меня неожиданно напал менторский тон. Потом мне стало даже неудобно, но в тот момент мой лекторский пыл был воистину неостановим... — Дитя моё, мы ведь живём не в диком средневековье с его дремучими нравами. Вампиры давно контролируют собственную численность, у них есть своя статистика, принятие на учёт, снятие с учёта и ряд серьёзных международных соглашений. Нарушаемых, впрочем, всё той же Африкой и иногда Южной Кореей... Сабрина несёт большую ответственность, если в результате её недосмотра на свет появится новый вампир.

— Вампиры едят людей!

— В крайне редких случаях! Но они не могут иначе, их цель — пропитание, в то время как сами люди убивают себе подобных ради забавы.

— Блестяще, Дэн... — Моя подруга наконец соизволила включиться в беседу, матово-багровый отсвет мягко сверкнул из-под ресниц. — Поцелуй меня!

— Сабрина?..

— Я так хочу, милый, всего один поцелуй.

— Ты никогда не ограничиваешься одним...

— Отлично, иди ко мне и возьми меня здесь и сейчас!

Ева смотрела на меня так, словно я был последним оплотом нравственности на этом свете. В принципе никаких причин для отказа не было, и в иное время я бы с радостью принял столь естественное и открытое предложение, но не сегодня...

На секунду мне показалось, что рыжеволосая охотница как-то сковывает меня и избавиться от этого ощущения можно, только убив её. Но я не любил убивать. И потом, где-то глубоко в подсознании дрогнуло некое подобие давно забытого чувства, то ли стыда, то ли...

В комнате брызнули стекла! Я рванулся туда, едва не угодив под пулю... В мои окна стреляли! Крикнув Сабрине, чтобы легла на пол, я прижался спиной к надёжному дубовому шкафу и терпеливо ждал, пока неизвестный снайпер дырявил мои солнцезащитные портьеры. После седьмого выстрела наступила тишина. Хорошо на улице хмарь и в дырочки не бьёт солнце. Я, пошарив по углам, подобрал с пола три мягкие серебряные пули, сунул в карман, остальные искать не стал. Лично мне серебро не причиняет вреда, но если бы на его пути стала Сабрина...

— Дэн, так ты поцелуешь меня или нет?! — раздалось из кухни.

Я промолчал, медленно пытаюсь найти достаточно аргументированный довод. Приличный, доходчивый и, желательно, без специфически мужских выражений... Ничего подходящего на ум не пришло.

— Эй, а вы... ты там, вообще, живой? — робко протиснулся растерянный голосок охотницы.

Короткий всплеск пощёчины. Сабрина по-прежнему не терпит, чтобы её перебивали. Мгновение — и... моя подруга рухнула в комнату, гулко треснувшись лбом об пол!

— Эта... стерва поставила мне подножку...— с плохо скрываемым уважением протянула она. Я меланхолично поскрёб подбородок... Похоже, мне ещё придётся хлебнуть горя с этими красотками, они явно друг друга стоят.

Протянув руку Сабрине, я помог ей подняться, одно из золотых колец, отягощавших её уши, было смято в оригинальный эллипс.

— Я её убью,— неизвестно кому пообещала она.— Ты не возражаешь?

— Увы, я уже говорил, что девушка нужна мне живой. Хочешь отпить у неё крови — пожалуйста, но убивать не надо. Во всяком случае, пока...

— Дэн, твоё благородство тебя погубит.

— Радость моя, ты же знаешь, я давно отказался от благородного происхождения.

— Зануда!

— Тогда поцелуй меня...

Минут на пять движение пространства остановилось. Губы Сабрины, прохладные и жгучие одновременно, впитали в себя весь мир, и казалось, нет такой силы, что заставила бы меня забыть эту невероятную женщину. По крайней мере, она единственная, кто столько лет был мне предан и верен, принимая меня таким, какой я есть...

— О чём ты думаешь?!

— Прости...

— Ты целуешь меня, а думаешь неизвестно о чём!

— Нам надо уходить. — Я сунул руку в карман и выгреб сплюснутые серебряные пули.

Лицо моей возлюбленной приняло от-
вращённо-брезгливое выражение.

— Это Гончие! Только они используют за-
прещённое оружие, все прочие предпочитают тра-
диционные методы охоты.

— Вроде засады в лифте с арбалетом?

— Я была слишком увлечена тобой, иначе этой
рыжей первокласснице никогда бы не застать меня
врасплох.

Это правда, вампиры обладают более тонким и
натренированным обонянием. Их нюх подобен со-
бачьему, а уж за десять шагов почуять охотника, об-
вешанного чесноком и потного от возбуждения, не
представляло труда даже мне. Хотя я, в отличие от
других, больше полагаюсь на слух...

— Там нет яркого солнца, если я прикрою тебя
зонтом, сумеешь дойти до машины?

— Ха! Иногда мне удаётся пройтись даже в полу-
денную жару. Астрахань — демократичный город,
и я, как восточная девушка, часто выхожу днём в
мусульманской одежде. Чадра, перчатки, плотный
платок и длинное платье — что ещё нужно обяте-
льной современной вамп?!

Сабрина не любила, когда я называл её вампир-
шей, вампиреллой или вампирессой. Короткое и
отточенное слово «вамп», похожее на удар в спину
или насильно взятый поцелуй, предельно точно об-
рисовывало всю её сущность. Она была живой
опасностью, ножом с обоюдоострой рукоятью, и
количество выпитой крови никак не соизмерялось
с уймой разбитых ею сердец. Она шла по жизни
чуть высокомерной, танцующей походкой, с блуж-

дающей улыбкой на губах, полная нечеловеческого презрения к этому миру, и... с такой хрустальной душой, что о её существовании знали очень немногие... И те, узнав, жили недолго. Но эта женщина меня любила...

На сборы ушло минут десять, я взял только паспорт, деньги и пару книг. Там, куда мы отправлялись, есть всё необходимое, даже на тот невероятный случай, если нам придётся месяц сидеть в осаде. В сущности, подобное бегство не было из ряда вон выходящим событием, если не можешь победить — беги. Главное, выиграть время и выжить, а уж разобраться с тем, кто тебя гнал, можно будет и позже. Вернее, не можно, а нужно...

* * *

— Дэн!

— Иду, иду! — Я развязал последний узел на запястьях охотницы и положил перед ней ключи. — Будешь уходить, пожалуйста, запри дверь на оба замка. Соседи напротив — очень милые пенсионеры, ключи оставь им. Молодые люди придут в себя через пару часов. Надеюсь, они не в обиде? Пусть отпразднуют сегодня свой день рождения: побывать в когтях Сабрины и остаться в живых — это более чем повод выпить. Ну, вроде всё... Спасибо, что зашла. Больше не заходи.

— Но... ты ведь не вампир?!

— Вампир.

— Ну, я хотела сказать, ты... не настоящий вампир.

— Настоящий. Просто вы таких ещё не проходили. Прощай. Посуду не мой.

— Почему? — сразу надулась она, видимо, как раз таки и собиралась.

— Я тебе не доверяю, ещё разобьёшь чего-нибудь...

Ева подняла на меня зелёные глаза и робко, даже чуть виновато улыбнулась. Можно подумать, я сказал что-то смешное... Уже выходя из квартиры, бросил прощальный взгляд назад, моя гостя и пленница стояла, опершись о кресло, едва ли не помахивая нам вслед. Мы с Сабриной чинно спустились по лестнице. Пользоваться лифтом было слишком рискованно.

Её автомобиль смиренно стоял у детской площадки, я слышал о шести попытках его угона, и все кончились печально. Моя подруга не гнушается использовать «грязные штучки», в последний раз угонщики получили электрический разряд такой силы, что до сих пор искрят в сырую погоду. Уровень солнечной активности был достаточно низким, мы легко пробежали необходимые десять метров, и счастливая Сабрина плюхнулась на переднее сиденье тёмно-вишнёвого любимца. Я знал, что ей нравился этот цвет, как она говорила, «запёкшейся королевской крови»... Нам предстояла полуторачасовая поездка за город, если не пойдёт дождь, доберёмся без осложнений.

— За нами следят.

— Неужели «хвост»?

— Да, кто-то в детстве не наигрался в шпионов.— Я сел рядом справа и скопил глаза в зеркальце бокового обзора. Четвёрка решительных ребят (три парня и девушка) размашистым шагом двига-

лась в нашу сторону. Головы у всех бритые, кожанки военного образца, камуфляжные штаны и высокие ботинки со шнуровкой. Если бы не осиновые кольца в руках, их можно было бы принять за группу ретивых скинхедов. Но в нашем волжском городке этой профашистской группировки просто нет, а если бы и была, так не вооружалась бы палками...

— Поехали. Я не хочу, чтобы мне поцарапали машину.— Сабрина повернула ключ зажигания.

Я тоже не имел ни малейшего желания ввязываться в новую драку, тем паче что запасы энергии мне надо восстанавливать гораздо чаще, чем рядовому вампиру. Молодых и красивых женщин на горизонте не наблюдалось, а я предпочитал пользоваться именно их услугами. Хотя это, наверное, неподходящее определение... Я не делал женщинам ничего плохого, я — влюблял их в себя. Физическая близость давала столько силы, что можно было использовать её недели три при разумной экономии. Но, поверьте, даже романтическая платоническая любовь — на уровне томных взглядов и полуулыбок — насыщала такой пламенной энергией, что не передать словами! Я всегда презирал альфонсов, тянущих из влюблённых дурочек деньги. Я забирал нечто более ценное — их чувства, их страсть, их нежность, но и отдавал соответственно...

Мы успели отъехать всего на несколько метров, когда моя подруга мягко нажала на тормоза.

— Посмотри, твоя гостья, похоже, пытается их остановить.

Действительно, наперерез догоняющим из подъезда выбежала Ева. Она что-то быстро докладывала одному из парней, тыча пальцем в сторону моего балкона. Неожиданно парень резко ударил её кула-

ком в живот. Рыжая охотница упала на колени, бритоголовая девушка с размаху добавила ей ботинком в лицо... Я недоумённо повернулся к Сабрине, в её глазах застыло ледяное презрение.

— Подонки...— Тёмно-вишнёвый «феррари» дал задний ход.

— Тебе это надо? — уточнил я.

— Нет, — равнодушно бросила она, врезаясь багажником в увлечённых избиением молодых.

Двоим, прямо скажем, не повезло... Когда я вышел из машины, то первой мыслью было гуманное желание добить несчастных из жалости. Потом решил, что страдания возвышают душу... У ребят ещё всё впереди, сейчас делают очень хорошие инвалидные коляски. Две отчаянные бабульки побежали вызывать «скорую помощь» и милицию. Девица, злобно шипя, оттаскивала в сторону третьего парня — он всего лишь сломал ногу.

Я присел на корточки, склонившись над скорчившейся Евой:

— Встать можешь?

Она с трудом кивнула и, приподнявшись на локте, сплюнула кровь на асфальт. Да, били её недолго, но жестоко. Женщины обычно такого не заслуживают, даже за чрезмерно ужасные преступления. Достойнее просто убить, но не калечить вот так, на потеху самым низменным вкусам... Я мягко подхватил её на руки, легко поднял и, поддерживая, помог устроиться на заднем сиденье. Краем глаза уловил еле заметную тень слева, не оборачиваясь, ударил ногой назад. Занесённый над моей головой кол с глухим стуком брякнулся наземь, а бритоголовая без звука отлетела в песочницу. Я принёс ей свои извинения, но, возможно, она их попросту не

расслышала, по уши зарывшись в детские куличики...

— Никогда больше не бей женщин! — сурово потребовала Сабрина. — По крайней мере при мне...

— Тебя это возбуждает?

— Естественно!

Я пожал плечами и, усевшись поудобнее, накинул ремень безопасности: со стороны ближайшего перекрёстка уже доносились торопливые завывания милицейской сирены. Машина взяла с места так плавно, словно в прошлой жизни была балеринной. Мы свернули между домами и выехали на Звёздную. Своеобразное название улицы подтверждалось тем, что на ней традиционно селились все хоть сколько-нибудь значимые поэты и художники города. Многих я знал лично, четверо из них были вампирами, остальные не придавали этому значения, даже если знали...

— Дэн, у тебя есть платок? Тогда передай, пожалуйста, нашей девочке.

— Нашей девочке? — без тени удивления переспросил я, просто мне показалось, что у Сабрины не всё в порядке с дикцией... или с головой.

— Пусть вытрет кровь. Я, конечно, сыта, но облизываться от одного запаха уже устала!

Охотница выхватила у меня свеженький платок, в одну минуту превратив его в мокрый багрово-грязный комок.

— Можешь не возвращать! Оставь себе на память, — вовремя предупредил я. — Да и благодарить нас не надо...

— Я и не собиралась...

— А зря, — притормаживая на светофоре, отметила моя подруга, — вежливость — высшее проявле-

ние человеколюбия! Дэн, если не затруднит, опусти окно и скажи тому уроду слева, что, если он ещё раз попробует меня подрезать, я ему, козлу...

Иногда Сабрина говорит такие вещи, что я краснею. По-моему, она делает это специально — прилив крови к щекам вампиры находят очень сексуальным, доходя едва ли не до экстаза...

Ева, примолкнув, сидела сзади. Ни слёз, ни тихой истерики, ни жажды мщения в глазах. На какую-то долю секунды мне даже показалось, что она тайком подсматривает в зеркальце водителя — не слишком ли её портят синяки. Я никогда не понимал женщин, да это и не требуется — достаточно просто принимать их такими, какие они есть. Это здорово сберегает нервы мужчине, живущему уже две сотни лет...

— Куда мы едем?

— За железнодорожный переезд, через Три Протоки, у стоянки сверни налево, там вдоль насыпи, дальше — я буду показывать по ходу.

— Хорошо, где высадим девочку?

— Где тебе удобнее выйти? — повернулся я. Охотница молчала, глядя на меня совершенно пустыми глазами. Я помахал пальцем у неё перед носом, дабы убедиться, что реагирует, и уточнил вопрос: — Куда нам тебя подвезти, чтобы ты побыстрее добралась домой к папе и маме?

— Я не... — на мгновение закашлялась она и, постучав себе кулаком в грудь, хрипло продолжила: — Я из другого города и никого здесь не знаю. Мне некуда идти.

— Притормоси, пожалуйста, — попросил я.

Сабрина поставила машину у обочины, и мы оба

крепко задумались. Со стороны, наверное, наши реплики казались абсолютно лишёнными смысла...

— Всё это чрезмерно случайно, а в последние годы я стал очень ценить уют и уединение.

— У неё хорошая кровь.

— Ты говоришь так, словно еда для тебя главное.

— В конце концов, мы могли бы использовать её вместе.

— Раньше тебя не привлекало трио, ты готова делиться мной?

— Я не об этом! У неё есть энергия и харизма...

— Исключено, при нас двоих она не продержится и недели!

— Никто не вечен! Это всего лишь человек, а они быстро плодятся...

— Ну, не знаю... надо попробовать. Капрал встретит нас с распростёртыми объятиями, но присутствие посторонней девушки...

— Он не любит женщин?

— Наоборот...

— И как он их любит?

— Иначе, чем ты.

— Тогда я хочу посмотреть.

Дальнейший спор уже не имел смысла. Если Сабрина что-то вбила себе в голову, то исполнит задуманное, чего бы ей это ни стоило. Поэтому она торжествующе кивнула, а я пожал плечами в знак признания поражения.

— Хорошо, поедешь с нами, но по дороге расскажешь всё о тех людях, что привезли тебя в наш город.

— А когда вы всё узнаете, то убьёте меня? — напряжённо сощурилась рыжая жертва всех, кому не лень.

*АСТРАХАНСКИЕ ВЕЧЕРА,
ИЛИ РУССКИЙ ДРАКУЛА*

И сему провидению препоручаю я вас, дети мои, и заклинаю: остерегайтесь выходить на болото в ночное время, когда силы зла властвуют безраздельно.

А.-К. Дойл. Собака Баскервилей

У многих российских городов были свои певцы. Больше всего повезло в этом отношении Москве и Петербургу. Еще бы, ведь о них писали Ломоносов и Державин, Пушкин и Гоголь, Достоевский и Толстой, Андрей Белый и Мережковский, Булгаков и Пастернак. А как быть малым городам и городишкам, в которых жизнь на первый взгляд не бьет ключом, однако же и не застаивается болотом? Это уж как пофартит. Например, как Пензе с Загоскиным, Рязани с Есениным или Вологде с Рубцовым.

Без преувеличения можно сказать, что Астрахани повезло, так как в ней живет и работает во славу родного города фантаст Андрей Белянин. Уже в первых своих книгах— трилогии о Мече Без Имени, принесшей автору небывало шумный успех,— своего главного героя писатель сделал астраханцем. Перед нами предстает полусонный провинциальный (хоть и губернский) город, разморенный южным солнцем. Ленивое, размеренное течение жиз-

ни, которое, казалось бы, ничем не выбить из привычного русла. И вот рождается Герой — лорд Скиминок, и начинаются чудеса. Легко узнаваемы астраханские реалии в романах «Моя жена — ведьма» и «Рыжий рыцарь». Воистину: «Нет другого такого фантастического города, кроме Астрахани, и Белянин пророк его».

Итак, снова Астрахань. Но на этот раз уже не фэнтезийно-юмористическая, а, так сказать, «готическая». Потому что речь в романе «Вкус вампира» идет не о заблудившемся средневековом рыцаре или приключениях странного семейства поэта, у которого жена — ведьма, а о существах жутких и зловещих. Которые боятся чеснока, святой воды, распятия и дневного света. Ну заодно не отражаются в зеркалах и практически не стареют. Город зловещий, город кошмарный. Вампиры и оборотни притаились здесь за каждым кустом, окопались почти в каждом госучреждении и частном предприятии. Картина, достойная кисти Босха и пера Гоголя. Привычный для читателя белянинский легкий юмор, переходящий в иронию, заменяется в новом романе фантаста гротеском и едким шаржем.

Во «Вкусе вампира» сосуществуют как бы две Астрахани: дневная и вечерне-ночная. Первая — это привычный и знакомый нам южный город, в котором смешались многие национальности. Веротерпимый, приветливый, немножечко ленивый и сонный. Идиллия, да и только. Едва же на Астрахань начинают спускаться вечерние сумерки, город преобразуется. Он становится огромным беспощадным хищником, которому не до сантиментов. Тут нужно держать ухо востро. Стоит зазеваться, и

достанешься на обед какому-нибудь оборотню или вампиру.

Подобная поэтика вполне в традициях классической русской литературы, особенно романтической. Вспомним бессмертные «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя. Или менее известные теперь, но в свое время жутко популярные «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» Антония Погорельского и «Вечер на Хопре» Загоскина. Сборники «жутких» новелл, действие которых разворачивается преимущественно вечером или ночью. Заброшенные замки, таинственные происшествия, загадочные существа, проникающие в нашу действительность из потустороннего мира и пытающиеся погубить героев. В романе Белянина все это тоже имеется. Однако это всего лишь одна из плоскостей книги, причем не главная.

Писатель продолжает расставлять литературные маячки, обозначая тот фарватер, по которому он намерен двигаться. Кроме Гоголя упоминаются также Брем Стокер и Булгаков. Насчет первого и последнего все понятно. Это те авторы, которых Андрей Белянин считает своими Учителями. Он с трепетом и благоговением относится к их памяти и творческому наследию. У Гоголя писатель учится фантастическому мировидению, умению взглянуть на вещи обыденные через призму юмора. Булгаков же дал образец городской фэнтези. Той жанровой разновидности, к которой тяготеет в последнее время Белянин. Мы бы назвали здесь еще одного автора, творчество которого лежит в том же литературном пространстве. Это Владимир Орлов с его «Альтистом Даниловым» и «Аптекарем».